

ХРОНИКА

Археологическое изучение древнейшего Закавказья

I

Систематическое изучение архаических памятников Закавказья началось 75 лет тому назад. В 1871 г. при прокладке шоссейной дороги у монастыря Самтавро, около Мцхеты, был открыт могильник, давший большой, новый для того времени материал, характеризующий своеобразную древнюю культуру.

В том же году в Армении, у сел. Ворпак (ныне Акнер), А. Д. Ерицов раскопал древние могилы, предметы из которых исследователь сопоставлял с памятниками бронзового века Западной Европы.

В связи с возросшим интересом к древностям Закавказья в октябре 1871 г. в Тифлисе (ныне Тбилиси) был организован Кавказский археологический комитет, составивший план археологического изучения Закавказья. В декабре 1871 г. председатель Комитета А. П. Берже на II Всероссийском археологическом съезде представил записку об археологии Кавказа, явившуюся первой сводкой скудных в то время сведений о древностях края.

В 1873 г. Археологический комитет был преобразован в Общество любителей кавказской археологии, значительно продвинувшее вперед археологические исследования в Грузии и Армении.

После V Археологического съезда, созванного в 1881 г. в Тифлисе, древности Закавказья стали предметом внимания не только русских, но и иностранных ученых, принявших участие в работе съезда (Р. Вирхов и Э. Шантр). В. Бельк, работавший на медноплавильных заводах Сименса с 1888—1890 гг. по заданию Р. Вирхова, раскопал в Шамхорском районе около 300 древних могил, причем весь добытый материал был им отправлен в Берлин.

В 1887—1888 гг. в Армении, по ущелью р. Дебед, производил раскопки инженер Жак де Морган, получивший впоследствии известность благодаря чрезвычайно удачным раскопкам в Египте и Передней Азии. Основная часть материала из вскрытых им 976 погребений поступила в Лионский музей, и лишь незначительная коллекция древностей осталась в Кавказском музее.

После V Археологического съезда Московское археологическое общество также стало уделять много внимания Кавказу, и с 1888 г. Общество стало издавать серию монографических трудов под общим названием «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества».

С 1891 г., со времени раскопок А. А. Бобринского в Редкином лагере, в Армении стали вестись работы археологической комиссии, создавшей прочную научно-исследовательскую базу в Ани, где с 1892 г. начал свои раскопки Н. Я. Марр. Работы в Ани не ограничивались изучением средневекового города, столицы Армении. «При методически правильной постановке дела,—писал Н. Я. Марр,—городище Ани, научно освещенное, должно было послужить необходимым введением в исследование памятников более древних эпох»¹. И не случайно в 1893 г. Н. Я. Марр произвел раскопки

¹ Записка Н. Я. Марра о Кавказском историко-археологическом институте, ИАН, 1917, стр. 988.

древних могильников около Ани, в Алавердском районе (Ворнак) и на Арагаце (Каф-тарлу, Парнигер) и провел обследование циклопических крепостей.

От Археологической комиссии работал в Азербайджане преподаватель реального училища в Шуше Э. Реслер, опубликовавший результаты своих многолетних работ с 1892 г. в *Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte* и с 1894 г. в «Отчетах археологической комиссии». Материалы из раскопок Э. Реслера составили основную часть собраний закавказских древностей Эрмитажа и Исторического музея.

С целью изучения в Закавказье урартских памятников, клинообразных надписей и связанных с ними крепостей Московское археологическое общество в 1893 г. командировало в Армению крупнейшего русского востоковеда М. В. Никольского и археолога А. А. Ивановского. В результате этой работы в 1893 г. была издана первая сводка урартских надписей, находившихся в пределах России.

В 1905—1908 гг. от Московского археологического общества в Армении, на побережье озера Севан, работал армянский этнограф Е. А. Лалаян, раскопавший большое число курганов и иных могильных сооружений (всего 516 погребений), давших большой материал, в значительной части поступивший в Кавказский музей.

Этот начальный период развития кавказской археологии, охвативший почти целое пятидесятилетие, был периодом интенсивного накопления материала, собирания археологических коллекций для музеев. Это было время увлечения археологией широких кругов кавказской интеллигенции. Раскопки производились в большинстве случаев лицами, не имевшими специальной подготовки, — учителями, чиновниками, офицерами пограничных войск, судьбою заброшенными в Закавказье, и лишь незначительная часть работников была профессионалами-археологами. Такой пестротой состава лиц, занимавшихся археологией в значительной мере и объясняется низкий технический уровень раскопок и слабая научная обработка добытого материала. Археологические коллекции, неудовлетворительно документированные, обычно плохо опубликованные, а частично вовсе не издававшиеся, лежали мертвым грузом в центральных (Исторический музей, Эрмитаж) и местных (Кавказский музей, Эчмиадзин) музеях. Богатейший археологический материал не мог быть полноценно использован в работе по истории Закавказья, и он рассматривался в общем как материал, относящийся в полном смысле слова к «доистории». Если закавказские древние памятники и приводились иногда в исторических или искусствоведческих трудах, то исключительно по их связи с государствами Передней Азии — Урарту (М. В. Никольский, Н. Я. Марр, Б. А. Тураев) или Хеттским царством (Б. В. Фармаковский).

Сводные работы по археологии Кавказа, [обобщение добытого раскопками материала были в значительной степени затруднены неравномерной изученностью отдельных районов Закавказья. И в то время как некоторые памятники, как Самтаврский и Ворнакский могильники, подвергались неоднократным исследованиям, получив славу основных археологических объектов, целые районы Закавказья в археологическом отношении оставались совершенно неисследованными. На археологической карте Закавказья места раскопок могли быть отмечены всего несколькими, оторванными друг от друга группами знаков. В таком положении находилось археологическое изучение древнейшей культуры Закавказья до Великой Октябрьской Революции.

После установления в Закавказье советской власти и окончания гражданской войны молодые республики Закавказья: Азербайджан, Армения и Грузия встали на путь неуклонного роста. В центрах республик, в Баку, Ереване и Тбилиси, были созданы научно-исследовательские институты и музеи, начавшие планомерную работу по изучению древних памятников. Археологические памятники стали одним из основных источников изучения истории народов Закавказья.

Для развертывания археологической работы в Закавказье наиболее благоприятные условия были в Грузии, так как Тбилиси еще до революции был одним из основных центров кавказоведения и там научную работу пришлось не столько налаживать, сколько перестраивать, для этого были и материальные условия (библиотеки, музеи) и научные кадры.

На первых порах вся археологическая работа была сосредоточена в Музее Грузии, реорганизованном из б. Кавказского музея. Оформилась также и сеть местных музеев, донныне продолжающих вести успешную работу (Сталининский, Кутаисский, Потийский, Зугдидский, Сухумский и др.). В Тбилисском государственном университете была учреждена кафедра археологии, содействовавшая созданию молодых кадров, работавших под общим руководством крупнейших советских ученых: И. А. Джавахишвили и Н. Я. Марра. В целом ряде мест Грузии были произведены раскопки (работы Г. К. Ниорадзе и С. Макалатия), давшие весьма ценный материал, поступивший в археологический отдел Музея Грузии, который неуклонно рос и был в первое время центром археологических работ не только в деле организации раскопок, но и публикации отчетов и материалов.

Работа в области истории и археологии особенно оживилась с 1936 г., после организации Грузинского филиала Академии Наук СССР, на базе которого в 1941 г. была создана Академия Наук Грузинской ССР. В 1937 г., под общим руководством И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа, начала свою работу Мцхетская археологическая экспедиция. Одной из задач экспедиции было полное исследование знаменитого Самтаврского могильника, с которым связаны самые первые шаги археологии Закавказья (нач. отрядов А. Н. Каланадзе и М. М. Иващенко). За пять лет работ (1938—41, 1946 гг.) было вскрыто громадное число разновременных погребений, от конца II тысячелетия до н. э. и до раннефеодального времени, представляющих бесценный материал для датировок археологического материала. В этой экспедиции выросли молодые грузинские археологи А. Апакидзе, Г. Гобеджишвили, Г. Ломтатидзе и Н. Хоштария, успешно выполняющие и свои самостоятельные работы, содействующие развитию археологического изучения Грузии.

Мцхетская экспедиция не ограничила свои работы исследованием Самтаврского могильника и производила раскопки в Армазисхеви, резиденции эриставов Иберии (II—III вв.), и на Багинети, акрополе древней столицы Грузии, известном в письменных источниках под именем Армазихе. Открытие в Армази усыпальниц правителей областей—питахшей (эриставов), и высших чиновников, дало большое количество первокласснейших памятников искусства и обогатило наши знания по культуре Закавказья античного периода, а эпиграфические памятники—арамейские и греческие, в частности Армазская билингва, изданная Г. В. Церетели, дали важнейший материал для изучения государственного строя Грузии первых веков н. э. Раскопки Багинети, охватившие громадную площадь, исследовали не только оборонительную стену этого замечательного памятника крепостной архитектуры, трижды разрушенную и вновь отстроенную, но и постройки внутри самого акрополя. Раскопки Мцхетской экспедиции, продолжающиеся под общим руководством С. Н. Джанашиа, несомненно дадут еще большой материал, который позволит правильно подойти к вопросу о характере государств Закавказья.

Другим крупным событием советской археологии явились раскопки Б. А. Куфтина в Триалети (1936—40 гг.), организованные Отделом охраны памятников культуры Грузинской ССР и Музеем Грузии. Раскопки охватили большое число памятников различных эпох, от медного века (конец III тысячелетия до н. э.) и до сасанидского времени, что позволило дать твердую периодизацию археологических памятников Триалети. Особый интерес представляют раскопанные Б. А. Куфтиным большие курганы, содержавшие погребения вождей племен середины II тысячелетия до н. э., отражающие реальные связи Триалетского района с хеттским миром. За книгу «Раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников», изданную Академией Наук Грузинской ССР в 1941 г., Б. А. Куфтина в присуждена Сталинская премия.

Археологическая работа в Грузии, широко развернувшаяся в последнее двадцатилетие, охватила в основном не только все районы республики, но исследовала различные по времени группы памятников, которые в совокупности дают цельную картину развития культуры, начиная с эпохи палеолита и кончая культурой античного периода и древнейшего грузинского государства.

В Азербайджанской ССР основная археологическая работа проводилась в Обществе обследования и изучения Азербайджана, в Археологическом комитете и Государственном музее.

С 1925 г. к работе в Бакинском университете были привлечены Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов, которые приняли ближайшее участие в организации археологического изучения Азербайджана. Первоначально полевая работа проводилась с учетом работы прошлых лет и потребностей Азербайджанского государственного музея и была направлена на исследование памятников, известных уже ранее. Особое внимание было обращено на могильник у Кизил-Вашка, на Араксе, куда были направлены две экспедиции, и на места раскопок Э. Реслера, в частности на Ходжалинский могильник в Нагорном Карабахе.

При разборе предметов из раскопок Э. Реслера выяснилось, что непонятные знаки на агатовой проишке, найденной в 1895 г. в Ходжалах, представляют собой клинопись, и ассириологу В. К. Шилейко удалось прочесть имя ассирийского царя Адад-нирари, что имело большое значение для датировки археологического материала. Ценные результаты давали также раскопки Е. А. Пахомова, И. Джафар-заде, Д. Шарифова и других азербайджанских археологов. Был открыт и исследован ряд новых памятников последнего тысячелетия до н.э., существенно расширивших знания по археологии Восточного Закавказья.

В Еленендорфе (ныне Ханларе) от Еленендорфского краеведческого общества работал энтузиаст-археолог Я. И. Гуммель, детально исследовавший рядовой курганный могильник, большие княжеские курганы и древние поселения, давшие возможность проследить историю развития первобытного общества на небольшой территории.

После организации Азербайджанского филиала Академии Наук СССР, а позже и основания Академии Наук Аз. ССР археологическая работа была сосредоточена в Институте истории Академии, объединившем все научные кадры, успешно работающие в области археологии Азербайджана (Е. А. Пахомов, И. Джафар-заде, С. Казиев, В. Левиатов, Н. В. Минкевич, И. П. Щеблыкин).

Крупнейшим событием в археологии Кавказа являются широко развернутые с 1946 г. Академией Наук Аз. ССР раскопки в Мингечауре, на территории строительства гидроэлектростанции (начальник экспедиции С. М. Казиев). Здесь были обнаружены семь различных по времени могильников, от конца II тысячелетия до н. э. и до первых веков н. э. Уже предвзвешенные публикации материалов (С. М. Казиевым и молодым археологом Г. И. Ионе), относящихся к эпохе бронзы и раннего железа, свидетельствуют о том, что Мингечаурские раскопки дадут руководящие данные для изучения древней культуры Восточного Закавказья.

Перед археологами Азербайджана стоят еще большие задачи выявления памятников, предшествовавших эпохе бронзы, которые еще не являлись предметами специальных работ. Совершенно необходима также организация разведывательных работ по палеолиту, неолиту и периоду ранней бронзы.

В Армянской ССР после установления Советской власти началась большая и интенсивная работа по изучению исторических памятников. Эта работа была сосредоточена в Комитете охраны древностей, Государственном музее и в Институте наук и искусств Армении.

Основной задачей Комитета охраны древностей, во главе которого стоял академик архитектуры А. И. Таманян, была регистрация древних памятников с выяснением степени их сохранности и с производством реставрационных работ в случае необходимости. Для составления археологической карты Армении Комитет в 1924—1932 гг. организовал ряд экспедиций в различные районы республики, давших значительный новый материал, в большей своей части относящийся к древнейшим периодам. Систематических раскопок Комитет не вел, ограничив свою работу лишь пробными раскопками при строительстве и при случайных обнаружениях древностей (Ереван, Ленинкакан, Кировакан, Памбак, Дилижан и др.). Плановые раскопки производились в Эларе, в Такия на Арагаце и в районе Вагаршапата. В этих работах Комитета принимал участие, архитектор Торос Торманян, ближайший сотрудник Н. Я. Марра по раскопкам в Ани,

этнограф Е. Лалаян и ряд молодых археологов, тогда только начинавших свои самостоятельные работы (К. Г. Кафадарян, Е. А. Байбуртян, С. Г. Бархударян и др.).

В 1921 г. при ближайшем участии народного художника Армении М. С. Сарьяна был организован в Ереване Государственный музей, ставший передовым научным и культурно-просветительным учреждением Армении. Выделившийся из этого музея Археологический и Этнографический отделы образовали самостоятельный Государственный исторический музей, после 1943 г. вошедший в состав Академии Наук Арм. ССР.

С 1934 г. основная работа по древнейшей истории и археологии Армении сосредоточена в Институте истории Армянского филиала Академии Наук СССР (с 1943 г. Академия Наук Арм. ССР). Эта большая и сложная работа велась под общим руководством И. А. Орбели, стоявшего во главе филиала, а в 1943 г. избранного президентом Академии Наук Арм. ССР. Археологическое исследование охватило большое число разнородных памятников, относящихся к различным этапам истории Армении, причем ряд экспедиций являлся совместным с центральными научными учреждениями Союза (Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР и Государственным Эрмитажем. Изучались местонахождения орудий палеолита и неолита (С. Н. Замятниш), раскапывались поселения и могильники медного и бронзового века (Е. А. Байбуртян, Е. Лалаян), большое внимание было уделено исследованию памятников урартской культуры в их взаимосвязи с культурой Закавказья (Б.Б. Пиотровский, С. В. Тер-Аветисян, К. Г. Кафадарян).

Для изучения древнейшей истории культуры Закавказья исключительное значение имеют раскопки урартской крепости VII—VI вв. до н. э. на холме Кармир-блур, около Еревана. Эта крепость, в древности называвшаяся городом Тейшебани, была одним из крупнейших урартских административных центров в Закавказье во второй период Ванского царства. Раскопки обрисовали не только картину жизни и гибели этой крепости, но дали большой и весьма ценный материал для разрешения ряда важнейших проблем истории Закавказья, а также установления роли скифов в гибели мощных древневосточных государств Передней Азии.

Приведенный нами далеко не полный материал показывает, что археологическая работа в Советских республиках Закавказья достигла значительных успехов и не только расширила наши фактические знания, но и перешла на новый этап научных исследований. От музейного собирательства древностей археология Закавказья перешла к исследованию памятников материальной культуры как исторического источника. Прежние археологические работы эпизодического характера, преимущественно в тех местах, где можно было рассчитывать на большой вещественный материал, сменились систематическим изучением различных категорий памятников с первоочередной задачей хронологической их периодизации. Основная работа по изучению древнейших памятников проводится научными учреждениями Советских республик Закавказья, в первую голову республиканскими Академиями Наук, имеющими свои кадры квалифицированных археологов. В Азербайджане и Армении эта работа протекает в содружестве с союзными научными учреждениями—Академией Наук СССР и Государственным Эрмитажем.

Углубленное исследование отдельных районов Закавказья (Триалети, Ханларский р-н) или же памятников, содержащих разновременный материал (Самтаврский и Мишгечаурский могильники), дало уже прочную основу для установления стратиграфии, последовательности определенных археологических комплексов и для периодизации древнейших этапов истории Закавказья, датировка которых уточняется исследованием памятников, связанных с Ванским царством (Кармир-блур). Углубленное исследование археологического материала на ограниченной территории (иногда на территории так наз. «микрорайона») было правильным приемом начального этапа работы по периодизации древнейших памятников Закавказья. Сейчас задача археологов усложнилась установлением связи изученных районов с другими районами Закавказья, установлением соотношений групп памятников. Метод стратиграфического,

вертикального исследования должен сочетаться с выявлением археологического материала определенного периода по горизонтали, т. е. на широкой территории всего Закавказья.

Значение древнейшей культуры Закавказья для истории древнего мира особенно четко выступает при ее изучении во взаимосвязи с Северным Кавказом, как это показали работы А. А. Иессена и Е. И. Крупнова, и особенно с древним Востоком, оказавшим существенное влияние на развитие закавказской культуры. Археология располагает большим материалом, относящимся к первобытнообщинному строю древнейшего Закавказья, и пришло уже время подвести первые итоги этой работы, проведенной в трех республиках Закавказья. К такому обзору мы и переходим.

II

Археология Закавказья достигла значительных успехов в изучении палеолита— «древнекаменного века». Собранный материал окончательно развеял мифы и о позднем заселении Кавказа человеком и о сплошном леднике, якобы покрывавшем весь Кавказ,— мифы, еще недавно имевшие широкое распространение.

В Абхазии и Армении были обнаружены примитивные каменные орудия ашельской стадии нижнего палеолита, являющиеся в настоящее время древнейшими остатками человеческой культуры на всей территории СССР.

Работы 1934—1936 гг., проведенные С. Н. Замятинным в Абхазии, на черноморском побережье, открыли большое количество палеолитических местонахождений, среди которых оказались местонахождения, содержащие материал позднеашельского (клязгонского) типа¹. Особенно интересный материал этого рода дали находки на склоне горы Яштух, около Сухуми. Кроме характерных для этой эпохи ручных рубил, там собрано большое количество орудий, для которых использовались крупные неправильной формы кремневые отщепы. Орудия ашельского периода встречены в размытых слоях на самой высокой, пятой по счету, береговой террасе (80—100 м выше уровня моря), в то время как орудия мустьерского периода сосредоточены на третьей (35—40-метровой) террасе. Таким образом, место нахождения каменных орудий, связей их с береговыми террасами Черного моря оказываются критерием для определения их археологического возраста.

В Армении каменные орудия ашельского периода были обнаружены геологом А. П. Демехиным в 1933 г. около сел. Арзни на плато над ущельем реки Занги и С. Сардаряном в 1946 г. у горы Богутлю, на юго-западном склоне Арагаца². Уже давно стали известны кости вымерших животных, обнаруженные у Казачьего поста, около Лениакана. Там были открыты большие скопления костей, среди которых оказались кости слона (*Elephas armeniacus*), особого вида первобытной лошади (*Equus caballus*), первобытного быка (*Bison priscus*), оленя (*Cervus elaphus*) и гигантского оленя (*Megaceros*).

Орудия мустьерского периода встречаются в Закавказье на более широкой территории, но часто вблизи, а иногда и на местах находок ашельских орудий³.

Наиболее характерные памятники верхнего палеолита в Закавказье представлены пещерными стоянками Западной Грузии, изучение которых началось еще с 1914 г. В настоящее время эта группа памятников является наиболее исследованной частью

¹ С. Н. З а м я т н и н, Палеолит Абхазии, Сухуми, 1937.

² Оба эти местонахождения были обследованы в 1946 г. С. Н. Замятинным; см. его статью «Находки нижнего палеолита в Армении», ИАН Арм. ССР, Серия общественных наук, 1947, № 1.

³ J. de M o r g a n, Les stations préhistoriques de l'Alageuz, Revue d'Ecole d'anthropologie de Paris, XIX, 1909, стр. 189—203; его же, La préhistoire orientale, III, 1927, стр. 19—34.

палеолита Закавказья и в ее изучении принял участие целый ряд советских и иностранных ученых. Пещерные стоянки Западной Грузии можно разделить на три группы, которые в совокупности охватывают весь верхний палеолит, от ориньякского до ашельского периодов¹.

Древнейшая группа этих стоянок представлена пещерами Хергулис-кльде и Таро-кльде, в окрестностях Чиатури.

К средней группе пещерных стоянок Западной Грузии относятся пещеры около Кутаиси, пещера Девис-хврели, обстоятельно исследованная Г. К. Ниорадзе раскопками 1926—1930 гг., и скалистые навесы Мгвимеви, около Чиатури², у одного из которых были открыты вырезанные на скале знаки.

Особенно многочисленный археологический материал дали раскопки пещеры Девис-хврели³. Большинство найденных там орудий изготовлено из местного туронского кремня, и лишь в незначительном количестве встречены орудия из обсидиана.

К поздней группе пещерных стоянок относится пещера Гварджилас-кльде, близ Ргани, раскопанная еще в 1916—1917 гг. Ст. Круковским. Наряду с кремневыми орудиями встречено большое количество костяных изделий, среди которых выделяются шилья, иглы и гарпун азильского типа.

Таким образом, верхнепалеолитические стоянки Западной Грузии дают четкую линию последовательности и преемственности различных по времени групп пещерных стоянок, характеризующихся кремневыми орудиями определенных типов. Несмотря на всю условность сопоставления закавказского верхнепалеолитического материала с западноевропейским, три выделенные группы стоянок могут быть сопоставлены: первая—с ориньякским периодом; вторая, повидимому наиболее длительная,—с позднеориньякским, солиотрейским и раннемадленским и третья группа—с позднемадленским и раннеазильским.

Несмотря на то, что палеолит Закавказья только недавно привлек к себе внимание специалистов-археологов и что работы в этом направлении охватили лишь отдельные районы Закавказья, памятники этого древнейшего периода истории человеческого общества дают для Закавказья определенную картину.

Кавказ, в частности восточный берег Черного моря и Закавказье, выступает теперь как один из центров древнейшей человеческой культуры, как связующее звено палеолитических культур Средиземноморья и Северного Причерноморья.

Работами последних лет в Закавказье открыты памятники так наз. мезолита («среднекаменного века»), памятники, по времени соответствующие отступанию вюрмского ледника, конца плейстоцена, которые обнаружили связь с выявляющейся культурой эппипалеолита («последопалеолитической культуры») той поры начального периода голоцена, когда в культуре еще в сильной степени чувствовались палеолитические элементы. В качестве примера стоянок этого типа можно привести пещерную стоянку в Бармаксызском ущелье (Триалети), исследованную Б. А. Куфтиным⁴. Там было собрано большое количество орудий из обсидиана, главным образом, в виде удлиненных пластин.

¹ Г. К. Ниорадзе, Палеолит Грузии, «Труды II Международной конференции АИЧПЕ», V, 1934, стр. 219; С. Н. Замятин, Новые данные по палеолиту Закавказья, «Советская Этнография», 1935, № 2, стр. 116—123.

² С. Н. Замятин, Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатури, «Советская Археология», III, 1937, стр. 57; Н. Кладзе, Палеолитические находки в Мгвимеви (на груз. яз.), «Вестник Гос. музея Грузии», XII—XIII (1944), стр. 279—290.

³ Г. К. Ниорадзе, Палеолитический человек в пещере Девис-хврели, 1933 (на груз. яз.).

⁴ Б. А. Куфтин, К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии, КС ИИМК, VIII, 1940, стр. 15.

До недавнего сравнительно времени в археологии Кавказа весьма распространена была теория, согласно которой Кавказ вовсе не переживал эпоху неолита или же она была крайне кратковременной. Отдельные находки орудий неолитического облика защитники этой теории относили к эпохе металла. В противовес этому мнению уже давно, со времени V Археологического съезда, было выставлено обратное положение— о чрезвычайно широком распространении неолита на Кавказе. К неолиту стали относить почти— что все грубо изготовленные обивкой или шлифованные каменные орудия, циклопические крепости, сложенные из необработанных камней, и многочисленные наскальные изображения, так наз. петроглифы. По мере углубления исследования материала, использованного защитниками теории широкого распространения неолита, отнесение его именно к неолиту становилось все более и более необоснованным и сомнительным. Примитивные, по внешнему виду, каменные орудия оказывались тесно связанными с комплексами предметов эпохи бронзы, ни одна из закавказских циклопических крепостей не дала материала, который хотя бы с минимальной достоверностью мог быть отнесен к неолиту, а знаки, совершенно тождественные петроглифам, были обнаружены на хорошо датированных постройках средневековья и на христианских надгробных памятниках. Развенчание псевдонеолитических комплексов и памятников усиливало недоверие к неолиту Закавказья, и для реабилитации неолита необходимы были углубленные работы, и в первую голову разведочные работы по выявлению нового материала. Такие работы были проведены, и они дали определенные результаты.

Ранний этап закавказского неолита представлен культурой, близкой к тарденуазской стадии неолита Европы, характеризующейся особым распространением мелких орудий, микролитов геометрических форм.

В Закавказье характерные микролитические орудия были открыты в 1936 г. А. Н. Калададзе¹ у сел. Одиши, к северо-востоку от Зугдиди (Западная Грузия). В Одиши, наряду с прекрасно выраженными микролитическими орудиями, пластинками геометрических форм, концевыми и округлыми скребками, были обнаружены также крупные каменные орудия.

Ж. де Морган уже давно связывал с неолитом некоторые из обсидиановых орудий, найденных им на западном склоне горы Арагац. Этот материал был дополнен сборами С. Сардаряна в 1945 г. у горы Богутлю, давшими большую коллекцию ранне-неолитических орудий². В 1946 г. разведочными работами С. Н. Замятнина и М. З. Паничкиной у подножия горы Богутлю обнаружена большая мастерская неолитических орудий пластинчатых форм, сколотых с удлиненного призматического нуклеуса крупных размеров. Этот материал существенно отличается от позднего неолитического, в котором обсидиановая пластина, лежащая в основе громадного большинства орудий, делается более узкой и точкой, сохраняя иногда некоторые типы верхнепалеолитических орудий.

В 1926 г. на конференции археологов в Керчи украинский археолог А. А. Потапов представил доклад о неолитических стоянках Закавказья, используя собранный им в Грузии и Армении материал (стоянки около Тбилиси и в районе Эчмиадзина)³. Характерными особенностями неолитических стоянок Закавказья А. А. Потапов считал размещение их на вторых террасах речных долин и преобладание орудий, изготовленных из обсидиана. Подобные обсидиановые орудия были обнаружены на распаханном

¹ А. Н. К а л а д а д з е, Остатки мезолитической и неолитической культур в Грузии, «Известия Института языка, истории и материальной культуры АН Груз. ССР», IV, вып. 3, стр. 363—371 (на груз. яз.).

² М. З. П а н и ч к и н а, Находка каменных орудий на Арагаце, ИАН Арм. ССР, 1946, № 5, стр. 55.

³ О. П о т а п о в, Предісторичній Кавказ, «Східній Світ», 1928, № 2, стр. 22 (на украинском яз.).

участке у крепости Кишляг около Нор-Баязета¹, а также раскопками Е. Лалаяна в Эларе².

Материал по неолиту Закавказья за последнее время значительно пополнился новыми находками, к сожалению еще не опубликованными. Неолитические стоянки были открыты на черноморском побережье Закавказья, в Колхиде (работы Н. В. Хоштария) и в районе Гудаут (селище Кистрик, исследованное А. Л. Лукиным)³.

Сопоставление поздненеолитических стоянок Закавказья с подобными же известными на Северном Кавказе (Кабардинская АССР)⁴ показывает, что в Закавказье развитие культуры шло более интенсивными темпами; в то время как на Северном Кавказе еще господствовали собирательство и охота, в районе к югу от Кавказского хребта существовало уже примитивное земледелие, а местами осуществлялся уже окончательный переход общества от охотничье-собирательского хозяйства к земледелию и скотоводству.

III

Самые древние из известных в настоящее время поселений Закавказья эпохи энеолита (медного века) относятся ко второй половине III тысячелетия до н. э. Раскопки этих древнейших земледельческих поселений характеризуют довольно развитую культуру, представляющую дальнейший этап рассмотренной выше поздненеолитической культуры.

Наиболее полную картину энеолитического поселения дали раскопки поселения у сел. Шенгавит около Еревана, произведенные Е. А. Байбуртяном в 1936—38 гг.⁵ Были открыты жилища, построенные из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте. Центральным помещением этих жилищ была круглая комната, к которой примыкали прямоугольные помещения. Посредине круглой комнаты обычно находился крупный камень, служивший базой для центрального столба, поддерживавшего коническую крышу. Около этого камня помещался невысокий круглый очаг (жаровня), диаметром около 1 м, украшенный рельефным узором по верхнему борту, имеющий три связанных между собой отделений—одно большое и два меньших⁶. Около очага находилась различная утварь (сосуды, зерпотерки, орудия и др.). В крупных сосудах и на полу, жилищ были найдены зерна и остатки колосков пшеницы и ячменя различных видов, близких к диким видам, известным в Закавказье. В жилищах обнаружены в большом количестве кости крупного и мелкого рогатого скота, а также собаки, указывающие на сочетание земледелия со скотоводством. Скотоводство документируется и найденными в жилищах каменными и глиняными фигурками животных. Кости диких животных, в частности диких коз и кабанов, а также кости рыб свидетельствуют об охоте и рыболовстве жителей поселения. Шенгавитское энеолитическое поселение в районе Еревана не одиноко. Около Эчмиадзина (Вагаршапата) известны два древних поселения: Шрен-блур и Кюль-тапа, которые, при бесспорном отнесении их к той же стадии

¹ Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского времени, ПИМК, 1933, вып. 3—4, стр. 53.

² Е. Лалаян, Раскопки курганов в Советской Армении, стр. 37 (на арм. яз.).

³ Статья А. Л. Лукина печатается в сборнике «Советская Археология», XI.

⁴ См. статья Е. Ю. Кричевского, А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского и Г. В. Подгаецкого, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, № 3.

⁵ Е. А. Байбуртян, Орудия труда в древней Армении (на арм. яз.), «Вестник Ин-та истории и литературы Армении», 1938, I; Б. Б. Пиотровский, Новая страница древнейшей истории Кавказа, ИАИрФАН, 1943, № 1, стр. 60; Б. А. Куфтин, Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит, «Вестник Гос. музея Грузии», XIII-V (1944), стр. 73.

⁶ Е. А. Байбуртян, Культурный очаг из раскопок Шенгавитского поселения в 1936—1937 гг., ВДИ, 1938, № 4, стр. 255.

медного века¹, существенно отличаются по внешнему виду от Шенгавитского поселения. Это не селище на естественном холме, а искусственная возвышенность, зольный холм, выросший на ровном месте. Формы строительства легких жилищ из глины привели к быстрому наслоению культурных остатков. При ремонте жилищ старые жилища из сырцового кирпича разрушались и на их месте возводились новые строения. Зола из домашних очагов выгребалась тут же, около жилища. Это именно и привело к тому, что поселение принимало вид растущего холма с мощными слоями строительных остатков и зольных прослоек. Шенгавитское поселение расположено как раз на границе низменности и предгорий, но оно имеет характер горных поселений, и полную ему аналогию представляет энеолитическое поселение на холме «Такаворанист» около Кировакана.

Могильники энеолитических поселений Армении еще не изучены должным образом, отдельные погребения этого времени были раскопаны в 1893 г. Н. Я. Марром на западном склоне г. Арагад и в 1940 г. у холма «Такаворанист». В этих погребениях обнаружена только характерная энеолитическая керамика. Культура позднего энеолитического периода представлена в основном материалом из раскопок Е. Лалаяна и Е. Байбуртяна 1927—28 гг. в Эларе, Котайкского района. В Эларском поселении ниже слоев урартского периода открыты зерновые ямы с остатками пшеницы, а также костяки домашних животных². Материалы из раскопок в Эларе отмечают дальнейшее развитие культуры, и в первую голову скотоводства и земледелия. Керамика Эларского поселения очень близка к Шреш-блурской и Шенгавитской. Энеолитическая культура эларского типа встречается во многих местах Армении, охватывая большой промежуток времени. Во многих урартских и средневековых городах южного Закавказья нижние слои дают материал, весьма близкий к эларскому.

Для исследования медного века Закавказья особое значение имеет материал из раскопок П. Ф. Петрова у сел. Малаклю, около Игдыра, поступивший в 1914 г. в Кавказский музей (Музей Грузии)³. Там культурный слой древнего поселения с характерным энеолитическим материалом перекрыт лавовым пластом, в котором был обнаружен могильник урартского времени.

Древние поселения второй половины III и начала II тысячелетия до н. э. известны и в Грузии. Еще в 1923 г. погребения этого времени были открыты Е. Г. Пчелиной при раскопках в Кикетах, около Коджор⁴.

Б. А. Куфтин при своих работах в Триалети обнаружил энеолитический материал в самом нижнем слое крепости Ахылар, около сел. Бешташени, а также в двух других пунктах у того же селения⁵.

На территории Азербайджанской ССР нельзя еще определенно указать поселения медного века, но могильные памятники этого времени известны уже давно. К ним относятся некоторые курганы из раскопанных Э. Реслером в 1897 г. на берегу р. Хаченагет (Нагорный Карабах)⁶, содержащие погребения в грунтовых ямах. В них, кроме характерной черной лощеной керамики со вдавленным узором, были найдены кремневые и обсидиановые орудия, каменная шаровидная булава, небольшие плоские медные

¹ По времени поселения на холмах Шреш-Блур и Кюль-тапа, вероятно, древнее Шенгавитского. Раньше я держался обратной точки зрения—Б. Б. П и о т р о в с к и й, Эпоха меди и бронзы в Закавказье, «История СССР», Изд. ИИМК АН СССР, I, 1939, стр. 114.

² Е. А. Б а й б у р т я н, Псевдонеолитические поселения Армении, ИИМК, 1933, № 1—2, стр. 39.

³ Б. А. К у ф т и н, Урартский «Колумбарий» у подошвы Арарата и Курорацкский энеолит, «Вестник Гос. музея Грузии», XIII-В, 1944, стр. 73.

⁴ Е. Г. П ч е л и н а, Археологическая разведка в районе Триалетского хребта близ г. Тифлиса, «Вестник Гос. музея Грузии», V, 1930, стр. 159.

⁵ Б. А. К у ф т и н, Раскопки в Триалети, I, стр. 159.

⁶ ОАК, 1897, стр. 156; Дело Арх. комиссии, № 40—1897, (Архив ИИМК).

пожи и золотые изделия (цилиндр с вдавленным узором и подвеска из спирально скрученной проволоки).

Материал старых раскопок Э. Реслера дополнен работами Я. И. Гуммеля в Степанакерте. В 1939 г. им был исследован курган, основные погребения которого дали следующий материал: две шаровидные каменные булавы, множество кремневых наконечников стрел со стерженьком в нижней части, большое число обсидиановых отщепов, три золотые бусы, золотую серьгу, плоский медный кинжал, такой же наконечник копья и глиняные сосуды. Несмотря на то, что эти раскопки Я. И. Гуммеля еще не опубликованы и нам не известны детали, сходство этого Степанакертского кургана с рассмотренной выше группой энеолитических памятников совершенно очевидно¹.

Своеобразный энеолитический материал Западной Грузии представлен лучше всего Очемчирским поселением и древнейшими памятниками Колхидской низменности².

Археологические исследования в Закавказье, направленные на изучение культуры медного века, четко обрисовывают в м картину жизни этих древнейших поселений родовых общин. Раскопки открыли памятники культуры, уходящей в III тысячелетие до н. э., своими корнями связанной с неолитической стадией. Ни земледелие, ни скотоводство энеолитических поселений Закавказья нельзя признать начальными формами этих отраслей хозяйства. Правда, земледелие и по своей технике и по культуре злаков, связанной с дикими видами, было очень примитивным. Поля располагались в предгорьях, около устья рек, неподалеку от поселения, а частично и на его территории, и возделывались они примитивными орудиями, преимущественно деревянными.

Скотоводство в медном веке Закавказья получило интенсивное развитие, и именно оно имело исключительное значение для дальнейшего развития культуры Закавказья, так как увеличение поголовья стад в условиях того времени легче могло дать прибавочный продукт, чем земледелие. Раскопки поселений медного века дают возможность проследить не только численный рост скота в Закавказье, усиление его роли в хозяйстве, но и качественное изменение поголовья скота в сторону увеличения мелкого рогатого скота. Это изменение состава стада было, по видимому, связано с изменением самой формы скотоводства, которое начало постепенно принимать полукочевой вид, т. е. с выгоном скота летом на горные пастбища. Пастбища на территории поселения и поблизости от него не могли уже удовлетворять потребности в кормах, и скот приходилось угонять на пастбища, удаленные от поселений. Естественно, эта форма скотоводства связана с численным увеличением менее прихотливого и легче передвигающегося мелкого скота, а также с появлением собаки.

Памятники медного века Закавказья обнаруживают поразительное сходство с памятниками той же стадии развития общества Передней Азии, но они выявляют также и своеобразие, что указывает на самостоятельность их развития. Месопотамия и южный Иран пережили медный век еще в конце IV тысячелетия до н. э.; в Малой Азии (Анатолии), в Северном Иране и южной Туркмении он датируется III тысячелетием до н. э., а в Закавказье—второй половиной того же тысячелетия, т. е. тем временем, когда в Передней Азии существовали уже крупные государства древневосточного типа. По времени к закавказскому медному веку близок медный век Балканского полуострова и северо-западного Причерноморья, территориально оторванный от Кавказа, что не позволяет одновременные и однотипные комплексы предметов этих культур ставить в генетическую зависимость. Энеолит относится к тем стадиям первобытной культуры, когда общность хозяйственных форм создает поразительное сходство форм материальной культуры, иногда вплоть до мелких деталей. Позднее, в бронзовом веке,

¹ Я. И. Гуммель, Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г., ИАзФАН СССР, IV, 1939, стр. 77.

² Л. Н. Соловьев, Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии, «Материалы по истории Абхазии», 1939, № 1.

это сходство постепенно теряется и материальные памятники в отдельных районах получают крайнее своеобразие, но все же и там представляется возможным проследить общую тенденцию их развития, обусловленную закономерностью общественного развития.

Не все этапы начального периода освоения металла в Закавказье обоснованы археологическим материалом. Так, древнейший период металлургии, непосредственно связанный с медным веком, не может считаться еще достаточно выявленным. К нему относятся лишь случайные найденные медные предметы: массивные проушные топоры и листовидные наконечники копий со стержнем для насадки. Именно к этой группе предметов относятся опубликованные Б. А. Куфтиным находки при строительстве Закавказской гидроэлектростанции (около Тбилиси)¹. Выделенная группа медных орудий является группой весьма специфических форм раннего этапа развития, имеющих свои соответствия как на Северном Кавказе (Майкопский курган и долмены ст. Новосвободной на Кубани), так в Иране и Месопотамии (Тепе-Гиссар, Царские гробницы в Уре) и в Южной Европе (Кишр, Венгрия).

Более документированный материал, относящийся, однако, к самому концу медного века Закавказья, дали раскопки долменов Абхазии (раскопки М. М. Иващенко, Б. А. Куфтина и А. Л. Лукина 1930—1937 гг.)². Долмены Абхазии содержат погребения различных эпох. Нижний слой, залегающий на дне долменов и отдаленный от более поздних стерильным слоем глины, датирует время сооружения этих памятников концом медного века. Из этого слоя происходят вислобушные топоры, пластинчатые ножи или наконечники копий и своеобразные крюки.

Долмены Закавказья связаны с долменами Северного Кавказа, известными как на побережье Черного моря, так и в бассейне реки Кубани, причем эта связь подкрепляется и обнаруженным в них материалом³.

IV

В середине II тысячелетия до н. э. в Закавказье происходят существенные изменения. На основе культуры медного века, как непосредственно из нее вытекающая, складывается культура раннего периода бронзы, свидетельствующая не только о крупных изменениях внутри общества Закавказья, не только о большом культурном прогрессе, но также и об установившихся прочных связях Закавказья с древневосточной культурой Передней Азии.

Наряду с интенсивным ростом скотоводства наблюдается постепенное усиление имущественной дифференциации. У отдельных, богатых скотом племен накапливаются богатства, становящиеся средством обмена, что приводит к укреплению связей со странами древнего Востока. Наиболее богатое племя выдвигается во главу союза племен, приобретая особое положение. Имущественное неравенство начинает проявляться и внутри самого племени, так как крупные материальные ценности скоплялись в руках вождей племен и их рода, что четко отражается в роскоши и богатстве отдельных погребений.

Непрерывная борьба за скот и пастбища, а также грабительские набеги приводят к усилению враждебных отношений между племенами, к постоянным военным столкновениям. В связи с этим поселения принимают вид укрепленных городищ со стенами, сложенными из громадных каменных глыб, достигающих иногда двухметровой высоты. Таковы нижние ряды кладки стены крепости Кизил-кала на мысу р. Занги, напротив Канакира, — крепости, имеющей следы долговременной жизни от середины II тысячелетия до н. э. и до средневековья. Курганный могильник у Кизил-кала также содержал

¹ Б. А. Куфтин, К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры по данным археологии, «Вестник Гос. музея Грузии», XII-V (1944), стр. 291.

² М. М. Иващенко, Исследование архаических памятников материальной культуры Абхазии, 1935.

³ Работа Фелициана о кубанских долменах опубликована в МАК, IX.

равновременные погребения. Наиболее древними оказались невысокие каменные насыпи, перекрывающие могилы в виде ям прямоугольной формы. Они содержали небольшой количественно материал, состоящий почти исключительно из сосудов с черной росписью геометрического характера по красному фону.

Для определения времени этих погребений важное значение имеет материал из раскопок 1935 г. крепости Муханнат-тапа, около Еревана. Там обломки сосудов, по технике и росписи совершенно тождественные найденным в могильнике у крепости Кизил-кала, были обнаружены в слое выше медного века и ниже слоя урартского периода, вместе с черной лощеной керамикой¹. Таким образом, данные стратиграфии Муханнат-тапа свидетельствуют, что культура, характеризующаяся красной керамикой с черной росписью, следует за энеолитической культурой начала II тысячелетия до н. э. и предшествует урартскому периоду. Расписные сосуды этого типа обнаружены во многих местах Армянской ССР, от главного Кавказского хребта на севере и до р. Аракс на юге. Самым восточным местом находок этой керамики в настоящее время является могильник у сел. Зурнабад, где было случайно открыто погребение с четырьмя расписными сосудами².

Замечательные образцы керамики с черной росписью по красному фону происходят из богатых курганов, раскопанных Б. А. Куфтиным в Триалетском районе (Грузия)³.

Количество раскопанных курганов (12) говорит за то, что курганный могильник охватывает промежуток около 200 лет; действительно, погребальные памятники по своему сооружению и по обнаруженным в них предметам отчетливо делятся на две одновременные группы.

Предметы, добытые при раскопках, показывают нам чрезвычайно развитую местную культуру, связанную с древним Востоком, в частности, с древним Хеттским царством, что отчетливо видно по многообразным и многочисленным памятникам искусства.

Курганы Триалети, представляющие собой грандиозные могильные сооружения, донесли до нас облик древней культуры, полной своеобразия и необычного до тех пор варварского величия. Их безошибочно следует признать погребениями вождей богатого скотоводческого племени, власть которого распространялась и за пределы Триалети.

Покойник или, что вероятнее, прах покойника, подвергавшегося, подобно хеттским царям, кремации, помещался в центре обширной погребальной камеры, иногда на массивной деревянной четырехколесной повозке, вокруг которой располагались туши крупного и мелкого скота, а также большое количество роскошных глиняных сосудов.

Оружие изготовлялось из бронзы, а иногда и из серебра (кинжалы), но наряду с металлическим оружием употреблялось и каменное, как, например, архаичной формы кремневые и обсидиановые наконечники стрел. Особенно замечательны в Триалетских курганах изделия из драгоценных металлов. Среди золотых и серебряных чаш и кубков выделяется массивный золотой кубок, украшенный вставными сердоликами и пастой, имитирующей бирюзу, а также тонкой филигранью, свидетельствующей о высокой степени ювелирного искусства.

Из числа триалетских находок особое на себя внимание обратил серебряный кубок на невысокой ножке, покрытый чеканными изображениями. На кубке мы видим процессию фигур со звероподобными головами и хвостами при человеческом туловище, несущих в руках сосуды. Процессия направляется к фигуре подобного же облика,

¹ Е. А. Байбуртян, Проблема крашеной керамики Армении (на арм. яз.), «Вестник Ин-та истории и литературы Арм. ССР», 1937, II, стр. 268.

² Я. И. Гумель, Крашеная керамика в долине Ганджа-чая, ИАзФАН СССР, 1939, № 5, стр. 37.

³ Б. А. Куфтин, Раскопки в Триалети, I, 1941.

но сидящей на троне перед священным деревом. Около главной фигуры помещены два жертвенника и лежащие жертвенные животные.

В изображениях на этом кубке влияние культур хеттского круга совершенно несомненно, но было бы ошибкой связывать его непосредственно с культурой центральной части Хеттского царства. Ведь эти области имели древнюю своеобразную культуру, которая и после падения Хеттского царства, во времена ассирийского и урартского владычества, продолжала, повидимому, жить в богатой стране, в бассейне р. Чороха, которую ассирийцы называли Даяени, а урарты—Диауехи. Нам представляется вполне обоснованными, даже при некотором хронологическом различии, связи триалетских курганов, с одной стороны, с богатыми погребениями Анатолии (Аладжа), а с другой стороны—с Майкопским курганом на Кубани, куда древневосточные элементы проникали через Западный Кавказ, т. е. через те районы, которые несколько позднее были заняты кобанской культурой, теснейшим образом связывающей Северный Кавказ с древним Востоком.

Если исследование древнейших связей триалетских памятников с древневосточной культурой Передней Азии затруднено отсутствием связующих элементов, то связь этих памятников с культурой Закавказья выступает в отчетливой форме при сопоставлении расписной керамики Триалетских курганов с отмеченной выше керамикой из других районов Закавказья (могильник у крепости Кизил-кала и у Журнабада). Это сходство имеет чрезвычайно большое значение для понимания всей культуры рассматриваемого периода. В то время как курганный могильник, раскопанный Б. А. Куфтиным, представляется местом погребения вождей племен, курганы у крепости Кизил-кала являлись рядовым могильником того же времени, содержащим погребения, которые по своему сооружению, так же как и по количеству и качеству положенных в них предметов, не могут идти в сравнение с Триалетскими курганами.

При всей скудости наших знаний относительно культуры Закавказья середины II тысячелетия до н. э. все же можно уверенно утверждать, что курганы Триалети не являются памятниками совершенно уникальными. Нет никаких оснований предполагать, что в Закавказье того периода существовал только один центр союза племен, да и, кроме того, отдельные драгоценные предметы типа триалетских становятся известными и в других районах. Так, несколько лет тому назад в Узунларе (Армения) при строительных работах были случайно обнаружены золотые и серебряные предметы, а также длинный бронзовый кинжал, несомненно принадлежащие к разбираемому кругу памятников.

Как уже показал Б. А. Куфтин, в Триалети красная лощеная керамика с черной росписью постепенно была вытеснена другой группой расписной керамики, а именно желтоватой с бурой росписью. Такое же развитие расписной керамики наблюдается и в других районах Закавказья, причем одноцветная роспись с течением времени заменяется многоцветной.

В археологической литературе широкую известность получила расписная керамика из Кизил-Ванка на Араксе (Нахичеванская АССР)¹. Расписные сосуды были покрыты светлым ангобом, по которому бурой и черной краской наводились узоры геометрического характера, а на двух сосудах имелись изображения человеческих фигур и птицы. Из этих же погребений происходят грушевидные каменные наконечники булав и обсидиановые наконечники стрел. Среди металлических вещей были: золотое колечко из тонкой проволоки, бронзовые булавки, четырехгранные шилья и бронзовые плоские ножи архаического типа с черенком для рукоятки. Особый интерес представляет бронзовый кинжал с плоской рукояткой, снабженной по всему краю ободком для закрепления деревянной вставки. На Кавказе эти кинжалы, несомненно, являются предметами импорта; они широко распространены по всей Передней Азии, от Средиземноморья и до Ирана во второй половине II тысячелетия до н. э. В 1926 г. в Кизил-Ванке работали две археологические экспедиции, одна под руководством И. И. Меща-

¹ А. Спицын, Некоторые закавказские могильники, ИАК, 29, стр. 3.

нинова¹, а другая А. А. Миллера². Эти раскопки выявили еще два последующих этапа развития расписной керамики, причем в могилах, исследованных А. А. Миллером, были обнаружены и железные предметы.

В вопросе датировки расписной керамики Закавказья долгое время существовали разноречивые мнения; обычно ее относили к глубокой древности на основании ее сопоставления с древнейшими культурами Передней Азии (Сузы I и II)³. В настоящее время эта датировка закавказской расписной керамики представляется лишенной всякого основания, а смежные Закавказью районы дают керамику, по формам и росписям сходную с закавказской в комплексах предметов второй половины II тысячелетия до н. э. (XIV—XI вв.)⁴.

Из древних памятников Закавказья к самому концу II тысячелетия до н. э. относится могильник у сел. Шахтагты (Нахичеванская АССР). В одной из могил среди 30 сосудов оказался один сосуд с многоцветной росписью, изображающей животных и птиц. Большой интерес этого погребения заключается в том, что в нем был помещен конь. Это обстоятельство сигнализирует существенные изменения в хозяйстве, а именно усиление и развитие полукочечевого скотоводства. Верховой конь служил целям постоянных связей летних пастбищ—кочевков, расположенных в горах с основными поселениями. Развитие скотоводства влияло также и на окончательное оформление патриархальных отношений внутри общины. Женские культовые статуэтки, характерные для энеолита, вытесняются мужскими, как это видно по обломкам расписных глиняных статуэток, найденных на поселении около Кизил-Ванка.

V

Значительно развилась и техника общества Закавказья, и в самом конце II тысячелетия до н. э. культура Закавказья переходит на новую стадию развития—стадию бронзового века.

От этой именно стадии до нас дошло наибольшее количество археологических памятников доклассового периода истории.

Еще во времена V Всероссийского археологического съезда 1881 г., посвященного первым итогам кавказской археологии, признавалось, что металлургия была принесена на Кавказ миграционной волной в уже готовом виде на переходной фазе от бронзовой металлургии к железной.

Тогда, в 1881 г., действительно, из древних памятников Кавказа особенно популярны были могильники в Кобани (Осетия), около Мцхеты (Грузия) и Редкин Лагерь (Армения), которые признавались за древнейшие памятники кавказской культуры, что и предопределяло поиски тех «прародин», где якобы создавалась культура, принесенная на Кавказ.

Р. Вирхов и Э. Шантр (1881—1883 гг.) считали родиной кавказской металлургии Центральную Азию, т. е. тот район, который в 80-х годах XIX в. не был затронут еще археологическими работами. Получалось так, что одно неизвестное объяснялось другим.

Ж. де Морган сначала (1889 г.) допускал для Старого Света только один центр металлургии, а именно Южный Китай, и в связи с этим полагал, что на Кавказ металлургия проникла через Центральную Азию. Г. Мортилье считал более вероятным

¹ И. И. Мещанинов, Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, «Сообщения ГАИМК», 1926, № 1, стр. 217—240.

² А. А. Миллер, Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 г., «Сообщения ГАИМК», 1926, № 1, стр. 326.

³ St. Przeworski, Zagadnienie wpływow | bliskiego wschodu w kulturze Fati-anowskiej Rosji Środkowej, «Światowit.», XV, 1933, 23.

⁴ Б. Б. Piotrowski, Новая страница древнейшей истории Кавказа ИАрм. ФАН СССР, 1943, № 1, стр. 60.

очагом первой обработки металла Индию, а О. Монтелиус (1900 г.)—Юго-Западную Азию. В работе, вышедшей в 1922 г., Ж. де Морган изменил свою прежнюю точку зрения и под влиянием собственных археологических работ очаг закавказской металлургии перенес в Переднюю Азию, к северу от Элама.

В конце XIX в. в археологической литературе М. Герпесом (1896 г.) была отмечена близость металлических изделий Кавказа с таковыми же из Западной Европы, что определило другой путь миграционных исканий. В этом деле особое усердие проявили археологи индогерманского направления, как Коссина и Вильке. Г. Вильке (1898 г.), считая дунайскую металлургию древнее кавказской, направил миграционную волну на Кавказ с Запада. Он полагал, что бронзовые изделия были занесены на Кавказ арийцами из придунайских стран по северному побережью Черного моря. Так направление миграций было с легкостью изменено—не с востока шли арийцы, а с запада. Историки и археологи-германисты зашли еще дальше и объявили осетин, в стране которых была обнаружена древняя кобанская культура, народом германского происхождения. Это были не единичные высказывания Гакстгаузена и Гана, а утверждения целого ряда историков фашистской Германии.

При внимательном рассмотрении всех приведенных выше гипотез оказывается, что они вытекают из недостаточного знания кавказского археологического материала, основаны на предвзятых взглядах или же на формально-типологических сопоставлениях.

Когда в 1935 г. А. А. Иессен¹ впервые подвел итоги археологических данных, свидетельствующих о древнем самостоятельном процессе развития металлургии Кавказа, все миграционные построения, теории о принесении металлургии в готовом виде на Кавказ сразу же перешли в архив науки.

Археологические работы последнего десятилетия в Закавказье, изучая памятники медного века, открыли недостававшее начальное звено в общей цепи развития кавказской металлургии. Развитие металлургии на Кавказе выявляется теперь как закономерный процесс, стоящий в связи с общим развитием культуры и имеющих свои характерные черты в отдельных меднорудных районах, особенно Закавказья.

А. А. Иессен в своих работах отчетливо показал, что древняя металлургия Кавказа, неразрывно связанная с переднеазиатской², все же в истории древнего Востока была периферийной и значение кавказских меднорудных районов не выходило за пределы развития закавказской культуры.

Выделяется несколько районов закавказской металлургии, характеризующихся определенными формами бронзовых изделий.

Таковыми основными районами закавказской металлургии были: 1) Западная Грузия, 2) Центральная и Восточная Грузия, 3) Центральное Закавказье (Армения), 4) Западный Азербайджан и 5) междуречье Куры и Аракса. Несколько особняком стоят районы Талыша и Зангезура. В настоящем обзоре наряду с памятниками эпохи бронзы приводится также материал переходного времени от бронзы к железу, так как во многих случаях памятники этих двух периодов чрезвычайно близки друг к другу.

Первая группа памятников (Западная Грузия) охватывает большую территорию юго-восточного побережья Черного моря и заходит в Северную Осетию. Эта группа характеризуется бронзовыми изделиями, аналогичными материалу из Кобанского могильника, являвшегося одним из самых северо-восточных могильников рассматри-

¹ А. А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, ИГАИМК, № 120 (1935).

² А. А. Иессен, Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии, «Труды III международного конгресса по Иранскому искусству и археологии в 1935 г.», стр. 100—101. Исследованию вопросов древней металлургии Закавказья и Кавказа, в частности олову и золоту, посвящены работы В. В. Данилевского, А. А. Иессена и Т. С. Пассек, напечатанные в сборнике «Археологические работы ГАИМК на новостройках в 1932—1933 г.», II, 1935.

ваемой культуры, с древнейших эпох связывавшей Закавказье с Северным Кавказом¹. В грузинской археологической литературе эта культура именуется иногда «колхидской»². Одинаковые в общих чертах формы металлических изделий, т. н. «кобанской культуры», встречены в Абхазии, Аджарии, Мегрелии, Имеретии, Раче, Лечхуме, Свании и в Юго-Осетии³. На юге эта культура охватывает также некоторые районы Турции, в частности, Лазистан⁴. Не все эти районы изучены в одинаковой степени, и если материал некоторых из них, как, например, Абхазии, уже обобщен в специальных работах, то для других мы располагаем зачастую лишь случайными сведениями. В Абхазии был исследован могильник у сел. Эшери, около Сухуми, содержащий погребения в урнах с бронзовыми предметами, обнаруживающими близкое сходство с материалом из Кобанского могильника⁵.

В восточной части первого района имеются группы находок, заключающие в себе как предметы «кобанского типа», так и центрально-закавказского. Особенно характерны в этом отношении находки в Квемо-Сасирети⁶. В верхней Раче, у сел. Геби, Г. Гебеджишвили в 1937—1940 гг. раскопал весьма своеобразный могильник, в котором были найдены древнеегипетские навкратийские скарабеи, сходные с найденными В. Ф. Миллером по ту сторону Кавказского хребта, также высоко в горах, в верховьях рек Чегема и Баксана. Это обстоятельство определяет, как мне кажется, местоположение древних перевалов, связывавших Закавказье с севером. Археологический материал Центральной Грузии в настоящее время прекрасно представлен раскопками Самтаврского могильника (А. Н. Каландадзе и М. М. Иващенко), вскрывшими сотни древних могил. В настоящее время готовится издание трудов Мцхетской Археологической экспедиции, представляющих первокласснейший интерес для археологии Закавказья. Бронзовое оружие из Самтаврского могильника послужило темой специальной работы Г. Ломтатидзе.

Из других раскопок в Грузии, давших материал первой половины I тысячелетия до н. э., следует отметить раскопки Земо-авчальской могилы и могильников Плависмани и у Стеклянного завода⁷.

Большое количество разновременных памятников эпохи бронзы и раннего железа дали раскопки Б. А. Куфтина в Триалети⁸.

¹ Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии Кобанской культуры «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», 1946, стр. 143

² Краткий очерк истории Грузинской советской науки за 25 лет, 1946, стр. 17.

³ Сборник «Юго-Осетия», Тифлис, 1924 (статья Е. Г. Пчелиной) «Бронзовая культура в Абхазии», «Известия Абх. научн. об-ва», IV, 1926, стр. 105—124.

⁴ St. Przeworski, Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500—700 vor Chr., Leiden, 1939.

⁵ М. Ивасенко, Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens, ESA, VII, 1932, стр. 98—103; М. М. Иващенко, Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии, «Известия института кавказоведения АН СССР», вып. 3, Тбилиси, 1935; А. Л. Лукин, Материалы по археологии Взыбской Абхазии, «Труды Отдела истории первобытной культуры», 1941, № 1, стр. 17.

⁶ S. Makalathia, Découvertes archéologiques en Géorgie en 1930. Mitteilungen d. Anthrop. Gesellsch. in Wien, LXII, 1932, 102; G. Nioradze, Der Verwahrfund von Kvemo—Sasirethi, ESA, VII, 1932, 82.

⁷ Г. К. Нioradze. Земо-авчальская могила, «Вестник гос. музея Грузии», VI, 1931, стр. 139 (на груз. яз. с немецким резюме); Г. К. Нioradze, О некотором значении Земо-авчальской могилы, «Труды секции археологии», IV, 1929, стр. 339. С. Макалатиа, Древний Могильник Плависмани (на груз. яз.), «Вестник Гос. музея Грузии», V, 1928, стр. 223; Г. К. Нioradze, Могильник Стеклянного завода, ПИДО, 1934, № 3, стр. 91.

⁸ Б. А. Куфтин, Раскопки в Триалети, I, 1941, стр. 50—77.

В Кахетии планомерные археологические исследования еще не производились, за исключением раскопок А. Апакидзе в 1938 г. в Бакурцихе, где ранее была обнаружена целая группа бронзовых мечей, чрезвычайно характерной формы—коротких, с обрубленным концом.

Третий район закавказской металлургии, связанный с Алавердскими меднорудными месторождениями, хорошо представлен могильными памятниками, расположенными по рекам Дебед и Памбаку. Большой археологический материал дали раскопки Ворнакского могильника (ныне сел. Акнер), произведенные А. Д. Ерицовым, Н. Я. Марром и Е. С. Такайшвили¹, и могильник у холма Такаворанист, около Кировакана (раскопки К. Г. Кафадаряна, В. А. Абрамян)², а также целый ряд случайно обнаруженных древних памятников. Культура преимущественно переходного периода от бронзы к железу исследована многочисленными раскопками Ж. де Моргана³. Бронзовые изделия этого района близки к тем, которые известны нам из Центральной Грузии, с той только разницей, что предметы «кобанского» типа встречаются здесь крайне редко, гораздо реже, чем восточногрузинские, что подчеркивает большую обособленность этого района, имевшего богатую рудную базу. Из раскопок древнего поселения у Ленинакана происходит каменная литейная форма для отливки секиры, документирующая местное производство этого характерного бронзового оружия⁴. Вторая такая же литейная форма происходит из поселения у крепости Кармир-блур, около Еревана⁵. В крепости Муханнат-тапа был найден обломок литейной формы для плоского топорика.

В северной части Армянской ССР совершенно неизученными остаются древние поселения, и разведки в этом направлении должны явиться одной из основных задач археологических работ в Армении. В Южном Закавказье обычным типом поселений эпохи бронзы были циклопические крепости, обследованные на склонах г. Арагап и в Севанском районе⁶. В некоторых случаях удалось связать эти крепости как с древними могильниками, так и с урартскими клинообразными памятниками, что дало возможность разделить также исследованные крепости на несколько разновременных групп. Много могильных памятников в Севанском районе было раскопано Е. Лалаяном⁷; среди них выделяется группа курганов с каменными склепами, относящаяся к концу эпохи бронзы, в которых бронзовые предметы обнаруживают сходство, с одной стороны, с центральнозакавказскими, а с другой стороны, с восточнозакавказскими, что подчеркивает промежуточное положение этого района, через который во все времена проходили пути, связывающие территории Армении с Западным Азербайджаном.

Четвертый район древней закавказской металлургии, связанный с медными рудами Кедабека и Калакента, также имеет много черт, связывающих его с Центральным

¹ Большой материал этих раскопок, хранящийся в Эрмитаже, Историческом музее и Музее Грузии до сих пор еще не опубликован. Отчеты о раскопках Н. Я. Марра и Е. С. Такайшвили хранятся в архиве ИИМК.

² К. Кафадарян, Раскопки могильников в Кировакане (на арм. яз.) ИИМК АН СССР, 1941, № 3—4, стр. 54.

³ W. Belck, Untersuchungen und Reisen in Transkaukasien, Globus, 1, 1889.

⁴ ПИДО, 1934, № 9—10, стр. 166.

⁵ К. Кафадарян, Новонайденная клинообразная надпись на Кармир-блуре (на арм. яз.), «Известия Ин-та истории и литературы Арм. ССР», II, 1937, стр. 222.

⁶ И. И. Мещанинов, Циклопические сооружения Закавказья, ИГАИМК, XIII (1—2), вып. 4—7; Б. Б. Пиотровский и Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского времени, ИИМК, 1933, № 5—6, стр. 51; С. Г. Бахударян, Страна Великухи (на арм. яз.), «Материалы по истории древней Армении», 1935, стр. 151.

⁷ Е. А. Лалаян, Археологические раскопки в Ново-Баязетском уезде ССР Армении, «Русский археологический журнал», XVII (1929), вып. 3—4, стр. 59; он же, Раскопки курганов в Советской Армении, Ереван 1931 (на арм. яз.)

и Восточным Закавказьем. Археологические памятники этого района хорошо известны по раскопкам В. Белька и А. А. Ивановского¹, раскопавших там большое количество каменных ящиков, главным образом переходного времени от бронзы к железу. Многочисленные циклопические крепости, встречающиеся только в районе между оз. Севан и р. Гянджа, были обследованы И. Джафар-заде, проводившим также и раскопки курганов, расположенных около этих крепостей².

Древняя культура междуречья Куры и Аракса хорошо представлена раскопками в двух районах: Кировабадском и в Нагорном Карабахе³. Памятники первого из них, расположенные в бассейне р. Гянджи, изучены хорошо, производились раскопки как могильников, так и поселений. Для стратиграфического изучения памятников этого района особое значение имеют работы Я. И. Гуммеля, исследовавшего около Ханлара древние поселения, рядовой курганный могильник, два богатых кургана и древние разработки кремня⁴.

Работы Я. И. Гуммеля значительно дополнили старый материал, добытый еще раскопками Э. Реслера в 1899—1900 гг. и вошедший в западно-европейскую археологическую литературу, как характеризующий древнейшую культуру Закавказья.

В Кировабадском районе (по р. Гяндже) и в Нагорном Карабахе наблюдается своеобразная и богатая культура эпохи бронзы, тесно связанная с междуречными месторождениями этого района. Памятники Нагорного Карабаха, особенно Арчадзорский и Ходжалинский могильники, хорошо исследованные Э. Реслером, отражают реальные связи с древним Востоком, осуществлявшиеся, по видимому, через те области Закавказья, которые входили в состав Ванского царства.

Характерным элементом культуры Восточного Закавказья является черная керамика, украшенная резными изображениями, содержащими не только орнаментальные мотивы и символические знаки, но и целые композиции из фигур животных и людей в сочетании с различными, хорошо известными по сравнительному материалу символами. Изображения на этих сосудах, так же как и гравировка бронзовых пластинчатых поясов, отражающие религиозные представления древнейшего Закавказья, не раз служили темами специальных исследований⁵.

Археологическое изучение памятников эпохи бронзы в Закавказье, относящихся к первым четырем векам I тысячелетия до н. э., освещает один из важнейших этапов истории первобытнообщинного строя Кавказа. Это был период интенсивного развития культуры племен Закавказья, основанной на использовании местных рудных богатств, пастбищ и земель, удобных для земледелия. Но, несмотря на эту относительную замкнутость развития культуры, в обществе Закавказья уже наблюдается естественное разделение труда, выразившееся в том, что в долинах рек и на плоскогорьях основой хозяйства стало земледелие, а в горных районах, богатых пастбищами, преобладало скотоводство.

Земледелие, основанное в долинах рек на развитой ирригации, а в горных районах пользовавшееся водой горных речек, хорошо документируется археологическим материалом. От эпохи бронзы до нас дошло большое количество примитивных орудий,

¹ W. B e l s k. Untersuchungen und Reisen in Transkaukasien, Globus, I, XIII, 1893, стр. 349—352; А. А. И в а н о в с к и й, По Закавказью, МАК, VI (1911).

² И. Д ж а ф а р - з а д е, Циклопические сооружения Азербайджана, «Труды АзФАН СССР», № 55 (1938), стр. 12; ИАзФАН, III, стр. 37 и IV (1939), стр. 67.

³ Т. С. П а с с е к и Б. А. Л а т ы н и н, Очерк доистории северного Азербайджана, ИООИА, 1926, № 3, стр. 112.

⁴ Я. И. Г у м м е л ь, Археологические очерки, Баку, 1940; о н ж е, Погребальный курган (№ 1) около Еленендорфа, Баку, 1931; J. H u m m e l, Zur Archäologie Aserbeidzans, ESA, VIII, 1933, 211.

⁵ R. V i r c h o w, Ueber die kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus, 1895, стр. 1—66 (отд. оттиск); Б. В. Ф а р м а к о в с к и й, Архαιческий период на юге России, МАК, 34.

связанных с земледелием, сохранивших свою первобытную форму. Мотыга для обработки земли продолжала, повидимому, оставаться деревянной, а среди серпов, наряду с бронзовыми, встречаются серпы, состоящие из кремневых или обсидиановых вкладышей архаичного типа; то же можно сказать и относительно предметов для обработки зерна—молотилок, представляющих собой доску со вставленными в нее камнями, и ручных зернотерок, изготовленных из пористого базальта. Это обстоятельство следует объяснить тем, что искусственное орошение земель, налаженная ирригационная система делали обработку земли легкой и не требовали усложнения земледельческих орудий.

Основными земледельческими культурами были в то время пшеница и ячмень различных сортов, идущие еще от земледелия медного века.

Наряду с земледелием широкое развитие получило также садоводство, отмечаемое и письменными урартскими источниками, рассказывающими о разведении в Закавказье виноградников и плодовых деревьев, что подтверждается и вещественным материалом. При раскопках поселения ранней бронзы около Ханлара в древних жилищах были обнаружены остатки винограда и косточки персика¹.

Значительный подъем, более интенсивный, чем развитие земледелия, получило скотоводство, широко использовавшее естественные условия страны. Освоение летних пастбищ в горах, иногда выше 2 км над уровнем моря, достигло в эпоху бронзы своих пределов. Использование высокогорных лугов сопровождалось созданием сложной системы каналов и бассейнов, служивших не только целям орошения пастбищ, но и для водопоя скота. Остатки таких ирригационных систем, использовавших русла горных рек и горные родники, обнаружены в Армении, на склонах г. Арагац и в Гехамских горах. У каналов были найдены большие каменные статуи в виде рыб или стел с изображением шкур животных, из которых изливается вода, связанные со скотоводческим культом и получившие название вишапов².

Урартские источники отмечают громадное количество скота у племен Закавказья, при значительном преобладании мелкого рогатого скота, что связано с полукочевой формой скотоводства. Так, летопись Сардура, сына Аргишти (середина VIII в. до н. э.), рассказывает, что за два похода в страну Эриах, на север от г. Арагац, оттуда было угнано 23 194 головы крупного и 63 420 голов мелкого рогатого скота. Одновременно с развитием полукочевого (так наз. «яйлажного») скотоводства усилилось и значение охоты, дававшей пищу скотоводам, а также служившей целям охраны стад от нападения хищных животных. Охота, таким образом, стала сопутствовать скотоводству, и не случайно ее четкое отражение в закавказской религии эпохи бронзы, где охотничьи культы тесно переплелись с культами неба и солнца.

В тесной связи с полукочевой формой скотоводства было и увеличение значения лошади в хозяйстве, ставшей основным средством передвижения, связывавшим горные пастбища с постоянными поселениями. В погребениях эпохи бронзы часто встречаются скелеты лошадей, сопровождавших в могилу своих хозяев, и известны случаи, когда покойник помещался в могиле верхом на коне³.

Скотоводство являлось основным источником богатств племен древнейшего Закавказья, и именно количество скота являлось показателем имущественного неравенства племен Закавказья. Рост скотоводства содействовал также окончательному установлению патриархальных отношений в обществе Закавказья, основной ячейкой которого становится патриархальная семья, что характеризуется не только материалами могильников, но и поселениями, где начинают преобладать небольшие по своему размеру жилища.

¹ Я. И. Гуммель, К проблеме археоботаники Закавказья, 1, «Сообщения Груз. ФАН СССР», I, № 10, 1940, стр. 745; он же, Археологические очерки, 1940.

² Н. Я. Марр и И. Я. Смирнов, Вишапы, «Труды ГАИМК», 1 (1931); Б. Б. Пиотровский, Вишапы, Каменные статуи в горах Армении, 1939.

³ ИАИ, вып. 12, стр. 58.

Исключительное значение в эпоху бронзы приобрело также ремесло, некоторые виды которого, как, например, производство металлических изделий, требовали большой специализации. Ремесло, таким образом, выделилось в особую отрасль хозяйства, способствовавшую усилению межплеменного обмена. В обстановке разложения доклассового общества обмен часто заменялся насильственным захватом, и грабеж становился своеобразной формой «производства». В первую голову насильственному захвату подвергался скот, постоянная борьба шла также и за пастбища. Эта постоянная межплеменная борьба, характерная для рассматриваемой стадии общества, иллюстрируется большим количеством оружия в закавказских могильниках, а также формой самого поселения, ставшего крепостью. Хорошо укрепленные поселения, так наз. циклопические крепости, особенно характерны для тех районов, в которых было развито скотоводство.

Редкие военные столкновения племен доставляли также пленных, которые стали уже использоваться в хозяйстве в качестве рабов. При раскопках курганов Восточного Закавказья не раз были встречены погребения рабов, сопровождавших в могилу вождя племени. Различное социальное положение погребенных отмечалось также и различным видом помещения их в могилу; основной покойник, снабженный богатым инвентарем, помещался обычно в вытянутом положении, а сопровождающие его — в сидячем или в скорченном. В некоторых случаях число таких сопровождающих погребений доходило до десяти. Важно отметить и то обстоятельство, что и по антропологическим признакам эти костяки существенно отличались друг от друга. В то время как черепа вытянутых костяков были долихокефальными, что характерно для основного населения Закавказья эпохи бронзы, черепа сопровождающих костяков имели ярко выраженную брахикефалию. Эти наблюдения поднимают не только весьма существенный для истории древнейшего Закавказья вопрос о рабстве, но также и об его источниках. Возможно, рабами становились пленные, захваченные в районах к югу от Закавказья, для населения которых особенно характерна брахикефалия.

Общество Закавказья эпохи бронзы стоит на последнем этапе доклассового общества. Разложение первобытнообщинных отношений и процесс классовобразования в Закавказье были ускорены взаимоотношением Закавказья с Ванским царством (Урарту). С конца IX в. до н. э. начинается продвижение урартов на север через Аракс. С этого времени и до начала VI в. до н. э. южные области Закавказья вошли в состав Ванского царства.

Б. Пиотровский

Некоторые итоги раскопок Тиритак и Мирмекия

(10 лет работ Боспорской археологической экспедиции)

В 1816 г. в Керчи были предприняты Дюбрюксом первые археологические раскопки. С тех пор на протяжении 100 лет сначала в Керчи и ее окрестностях, а затем на Таманском полуострове ежегодно велись археологические исследования.

Никакой другой район нашей страны не являлся полем столь упорной, систематической и длительной работы археологов, как оба полуострова, окаймляющие Керченский пролив и отличающиеся исключительным богатством археологических памятников, связанных с тысячелетней эпохой существования античного Боспорского царства. Усилия, затраченные русской археологией на изучение Боспорского царства, увенчались блестящими результатами. Был добыт огромный, разнообразный и яркий вещевой материал, замечательные памятники погребальной архитектуры и живописи, было создано богатейшее собрание эпиграфических памятников, получивших широчайшую мировую известность. «Керченские древности», или «древности Боспора Ким-